

Алексей Филиппов

Родня

Алексей Филиппов

Родня

«Автор»

2025

Филиппов А.

Родня / А. Филиппов — «Автор», 2025

Богатый пригласил родню в особняк, чтобы вместе отпраздновать новогодние праздники... И вот, во время застолья дядя падает замертво... Что это? Убийство? Еще до приезда правоохранителей началось расследование...

© Филиппов А., 2025

© Автор, 2025

Алексей Филиппов

Родня

Ехать не хотелось, потому и не выбирал я билетов, а взял те, какие первыми на глаза попались.

От железнодорожной станции до особняка дяди Валентина ехали минут тридцать. Таксист – кряжистый плешивый дядька с вислыми сивыми усами, всю дорогу что-то бубнил нудным голосом. Я его не слушал, а вот мама водителю иногда отвечала. Единственное, что я уловил из их болтовни, так это слухи о резком подорожании каких-то акций да о глупости шофёрской жены, продавшей когда-то те самые акции за сущие копейки. Мне плевать – и на акций, и на чью-то жену. Кошки скребли душу: не хотел ехать я к дяде Валентину на новогодние праздники. Дядю Валентина я уважал, а вот встреча с прочими родственниками (за редким исключением) казалась мне схожей с прикосновением к мерзкой жабе. Согласитесь, удовольствие не из приятных, но мама настояла.

– Ты что, – рассердилась она, стоило мне только намекнуть на нежелание повидаться с роднёй, – с ума сошёл? Не зря нас Валентин собирает, ты же знаешь – что с ним случилось...

– Ты думаешь, – усмехнулся я, – он стал добрым, и теперь как Дед Мороз преподнесёт каждому кто приехал богатый подарок? И чем больше от нашей семьи народа приедет, тем больше нам достанется?

– Не смей! – побледнела мама и топнула ногой. Пришлось покориться.

С месяц назад у дяди Валентина случился инсульт. От неожиданного известия у мамы прихватило сердце, и мне даже пришлось бежать за врачом, проживающей в нашем подъезде этажом выше. Мама всегда ставила дядю Валентина мне в пример – как образец стальной воли и железного здоровья. И вот ярый почитатель йоги, здоровяк пятидесяти пяти лет, пробегавший каждое утро по десять километров и по два часа ворочавший железо в спортзале, в один миг обратился развалиной в инвалидном кресле. Недаром говорят умные люди, что редкий организм способен справиться с последствиями здорового образа жизни. Пока соседка поила маму таблетками, я даже подумал – а не бросить ли мне атлетические тренировки, какими я, по совету дяди Валентина, уж лет десять истязал своё не особо могучее тело. Подумал, но решил не бросать, всё равно вечерами делать нечего. Да и привык уже.

На станцию поезд прибыл затемно, а потому к воротам дядиногo особняка подъехали мы едва начало светать. На улице морозно и серо. Огромные обросшие мохнатым инеем ворота поначалу никак не хотели пустить нас к теплу очага дяди Валентина, и я с сожалением оглянулся на уже еле видимый в морозной мути свет сигнальных фонарей уезжавшего такси.казалось, последняя живая душа покидает это пустынно-мрачное место.

Особняк построил мой дед на берегу лесного озера в какой-то там природоохранительной зоне. Здесь вообще нельзя ничего строить, но землеустроители как-то изыскали возможность и отвели небольшой участок для дома отдыха работников местного рудника, где дедушка работал тогда директором. Рудник заказал проект, подвёл коммуникации к месту строительства, но пока чертежи согласовывали в различных инстанциях, в стране случились глобальные экономические потрясения – строить дом отдыха стало не на что. И чтоб не пропадать месту зря, дедушка построил там себе скромный домик квадратов на пятьсот. Потом пару раз на этот домик покушались алчные правдолюбы, но дядя Валентин, имевший не последний вес во властных структурах нашей губернии, пресёк все эти покушения на корню. Правдолюбы остались с носом.

На улице всё холоднее и холоднее.

«Если нас сейчас не впустят в дом, – подумал я, – то...».

Но испугаться грядущим мучениям я не успел, ворота дрогнули, уронив на снег изрядную долю инея, закрипели, и стали медленно открываться. Ворота открыл Синяков – горбатенький старичок с тонкими ножками и ручками, но с крупным носом подозрительно красного цвета. Сколько я себя помню, Синяков всегда был помощником у дяди Валентина. И теперь, после дядиной отставки с высокого поста, он жил в особняке, на правах всё того же помощника по любому вопросу. Своего дома у Синякова не было.

Синяков поклонился нам и жестом пригласил войти. Говорил он всегда так мало, что я в детстве часто старался заглянуть ему в рот и посмотреть – есть ли там язык.

Увидев дядю Валентина, я вздрогнул. Болезнь круто с ним обошлась. Дядя сидел в инвалидном кресле, кривил бледно-серое лицо, что-то пытался нам сказать, но вместо слов из уст его вырывалось только глухое мычание и мутная пенистая слюна. Мама вынула из кармана носовой платок, утёрла дяде губы и заплакала. Смотреть на всё было невозможно, и я перевёл глаза на Катю – младшую дочь дяди Коли. Это она везла в кресле больного. Катя, считай, единственное светлое пятно среди сонма моих сволочных родственников. Выглядела она как всегда – великолепно. Только с Катей да с дядей Валентином (до его болезни) я мог общаться без чувства противного омерзения.

– Как я устала, – шепнула мне кузина, когда мы отошли к окну. – Когда с ним это случилось, Синяков позвонил отцу, и тот приказал мне немедленно ехать сюда. А с ним не поспоришь. Пришлось взять академ...

«Ясное дело, – подумал я, – дядя Коля своего нигде не упустит. Подсунул к богатому родственнику дочку, чтоб та приглядывала за ним да сообщала своевременно о наглых поползновениях неожиданных наследников. Катя на четвёртом курсе медицинского учится, ей, как говорится, сам бог велел ухаживать за больным...»

– А характер у него как испортился, – продолжала жаловаться Катя. – Всю постоянную прислугу прогнал, теперь только «приходящие» работают каждый день. Приедут, уберутся, еды наготовят и уезжают, а постоянно только мы с Синяковым здесь живём. Говорить он не может, только мычит. Один Синяков его как-то понимает. Ещё целыми днями заставляет себя по дому возить, а уж если непорядок какой заметит, так сразу дрожит весь и слюну пускает... Ужас... Неделями никого здесь не вижу... Как в тюрьме... Хорошо хоть вы приехали... Побегу, надо ему укол сделать...

Катя увезла дядю Валентина на процедуры, мама села за стол дальше плакать, а Синяков повёл меня на второй этаж в комнату, где предстояло мне маяться ближайшие дни. Комнатка оказалась небольшой и уютной. Я переоделся, прилёг на кровать, даже малость задремал, но тут Синяков принёс чай и бутерброды. Пришлось вставать. Перекусив, я опять плюхнулся на мягкий матрац и сразу же заснул.

Проснувшись, я некоторое время не мог понять, где я и что со мной. Всё было странно и необычно, хотя нет, не всё, а только тишина. У нас дома постоянно работает телевизор, за окном шумят машины, этажом выше носятся как угорелые дети, а здесь ничего этого нет. Здесь тихо-тихо. А ещё удивительная чистота и порядок кругом.

Я вышел из комнаты и спустился в холл. И здесь тихо. Справа от лестницы стоит большая ёлка. Когда мы приехали, в холле было сумрачно и на ёлку, с отключенными гирляндами, я не обратил внимания. А теперь гирлянды то загорались ярким светом, то медленно гасли, словно угли в догоравшем костре. И в полной тишине свет этот смотрелся не празднично, а как-то зловеще.

Просторный холл дядиного дома всегда напоминал мне распутье дорог из сказки: прямо пойдёшь на второй этаж попадёшь, направо пойдёшь – в столовую придёшь, а налево пойдёшь в зимнем саду отдохнёшь. На втором этаже я уже был, есть мне не хотелось, а вот посидеть в зелени зимнего сада было как раз по настроению. Я пошёл налево.

Небольшой коридор, за ним коридор шире и три двери: покои дяди Валентина, зимний сад и комната для занятий спортом, где прежде хранились охотничьи трофеи бабушки. Мимо покоев больного дяди я прошёл быстро и вот он – зимний сад. Он от покоев дядиных через стенку.

Этот сад устроил ещё дед, и я очень любил в детстве проводить здесь время. Мы с мамой жили в особняке лет десять, а потом мама с дедом поссорились. Наверное, благодаря саду я и профессию выбрал, поступив на биологический факультет университета. После университета немного поработал в школе, а потом перешёл в фирму ландшафтного дизайна. Зимние сады – это одно из наших направлений. Дед очень любил этот сад, вернее, у него во всём доме было только два любимых места – кабинет, где сейчас покои дяди Валентина, и сад. Окна в саду устроены во всю стену, и зелёные растения с яркими цветами очень красиво смотрелись на фоне заснеженной улицы. У окон по углам сада стояли эвкалипты лимонные высотой под потолок. Несколько деревьев, выращенных в стиле бонсай, расположились по кругу, а в центре круга – апельсиновое дерево Вашингтон, небольшой фонтан и два кресла. Фонтан не работал. И здесь – мёртвая тишина. Лёгкий запах апельсина чуть-чуть рассеял моё мрачное настроение. Я сел в кресло и осмотрелся. Горшки с бегониями, перескьями и другими привычными для зимнего сада растениями были расставлены в каком-то особом геометрическом порядке. Под каким углом не глянешь на растения, всегда увидишь чёткие геометрические формы. Порядок во всём – это конёк дяди Валентина. Посидев немного, я решил пойти дальше – в домашний спортзал, но тут заметил, что горшок с тунбергией у стены стоит как-то неправильно, чуть в стороне от воображаемой линии, точно по которой поставлены другие горшки. «Нет хозяину мочи, и порядок весь насмарку, – подумал я, – двигая горшок так, чтобы он не нарушал придуманной дядей Валентином геометрии». Увидев, что установить порядок у меня получилось, я довольный собой вышел из сада и решил позаниматься спортом, благо комната для занятий была рядом.

Дядя Валентин любил спорт и гордился своей силой, а потому его фитнесзале лёгких снарядов не было: всё здесь основательно и увесисто. Я снял часы, положил их на стеклянный столик, лёг на лавку для жима штанги и большим трудом выжал тяжеленный снаряд. В нём было не меньше ста килограммов. Я решил убавить немного вес, и уж взялся за блин штанги, но тут тишину дома разорвал резкий свист. Свистело что-то холле. Я на мгновение замер, вернул блин штанги на место и хотел бежать, однако не получилось как хотелось: я задел локтем стоящую на столике бутылку с водой. Бутылка упала, вода пролилась на пол. Я машинально схватил со стоек с гантелями полотенце, вытер воду и уж только потом помчал в холл. А там уже хозяйничала целая толпа. Во всяком случае, мне так показалось. Люди быстро разделись, потом мужчина с женщиной пошли на кухню, а ещё три женщины вытащили откуда-то пылесос, метёлки со швабрами и принялись наводить чистоту. «Так это приходящая прислуга, – подумал я и хотел вернуться в спортзал». Но тут снова заверещал звонок. На этот раз явилась родня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.